

Линн Хант
Изобретение прав
человека: история
Серия «Библиотека журнала
«Неприкосновенный запас»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546865

*Л. Хант. Изобретение прав человека: история: Новое литературное
обозрение; Москва; 2023
ISBN 978-5-4448-2183-4*

Аннотация

Идея прав человека впервые возникла и была сформулирована в конце XVIII века в американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина. Но почему именно тогда сформировались новые этические стандарты политики? Какую роль в этом процессе сыграла отмена пыток и жестоких наказаний? И как романы Ж.-Ж. Руссо, С. Ричардсона и Л. Стерна помогли расширить социальные границы эмпатии? Отвечая в книге на эти вопросы, Линн Хант реконструирует бурную историю прав человека и показывает, как ее перипетии отражаются на нашей способности защищать эти права сегодня. Автор описывает начало борьбы за идею универсальных прав

человека и анализирует причины, по которым она терпит поражение в период подъема национализма в XIX веке. В завершающей части книги Хант показывает, как после глобальных катастроф XX века наступает наивысший расцвет этой идеи в 1948 году в связи с провозглашением ООН Всеобщей декларации прав человека, а затем анализирует положение прав человека в современном мире. Линн Хант – американский историк, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Содержание

Благодарности	6
Введение. «Мы исходим из самоочевидной истины»	9
Парадокс самоочевидности	15
Human rights и «the rights of man»[5]	20
Как права стали самоочевидными	30
Глава 1. «Потоки чувств». Чтение романов и воображение равенства	44
Романы и эмпатия	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Линн Хант

Изобретение прав человека: история

Lynn Hunt

Inventing Human Rights: A History

© 2007 by Linn Hunt. All rights reserved. First published as
a Norton paperback 2008

© Н. Алёшина, перевод с английского, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

*Посвящается Ли и Джейн, сестрам, подругам,
вдохновительницам*

Благодарности

В работе над этой книгой мне очень пригодились многочисленные советы друзей, коллег и участников разных семинаров и лекций. Мне никогда не хватит слов благодарности, чтобы выразить признательность всем тем, перед кем мне посчастливилось оказаться в неоплатном долгу, и остается лишь уповать на то, что они узнают свои идеи в отдельных фрагментах и сносках. Лекции имени Паттена в Университете Индианы, лекции имени Мерла Курти в Висконсинском университете в Мэдисоне и лекции имени Джеймса У. Ричарда в Университете Вирджинии дали мне неоценимую возможность проверить на публике первоначальный замысел этой книги. Кроме того, отличными наблюдениями поделились со мной слушатели в Камино-колледже, Карлтонском колледже, Центре экономических исследований и образования в Мехико, в Фордемском университете, Институте исторических исследований Лондонского университета, колледже Льюиса и Кларка, Помона-колледже, Стэнфордском университете, Техасском сельскохозяйственном и инженерном университете, Парижском университете, Ольстерском университете в Колрейне, Вашингтонском университете в Сиэтле и, конечно, в моем родном Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Финансированием большей части исследования я обязана именно профессуре Юджина

Вебера по европейской истории Нового времени в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе; серьезным подспорьем стала и поистине уникальная, богатая библиотека нашего университета.

Многие полагают, что в списке приоритетов университетского профессора исследовательская работа опережает преподавание. Однако замысел этой книги родился благодаря сборнику документов, который я редактировала и переводила для студентов бакалавриата: «Французская революция и права человека: краткая документальная история» (The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History. Boston; New York: Bedford/St. Martin's Press, 1996). Стипендия Национального гуманитарного фонда (National Endowment for the Humanities) помогла мне завершить тот проект. Прежде чем приступить к этой книге, я опубликовала короткий очерк «Парадоксальные истоки прав человека» (The Paradoxical Origins of Human Rights // Wasserstrom J. N., Hunt L., Young M. B. (Eds) Human Rights and Revolutions. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000. P. 3–17). Некоторые аргументы из главы 2 я изначально приводила в статье «Тела в XVIII веке: истоки прав человека» (Le Corps au XVIIIe siècle: les origines des droits de l'homme // Diogène. 2003. № 203 (July – September). P. 49–67), хотя и в несколько ином ключе.

Путь от замысла к окончательному воплощению, по крайней мере в моем случае, долог и труден, но я смогла его оси-

лить с помощью близких и любимых людей. Джойс Appelби и Сюзанн Десан читали черновые наброски первых трех глав и дали прекрасные советы по их улучшению. Мой редактор в «У. У. Нортон» Эми Черри отнеслась к тексту и моим аргументам с таким вниманием, о котором многие авторы могут только мечтать. Я бы не написала эту книгу без Маргарет Джейкоб. Ее энтузиазм по поводу собственных исследований и текстов, смелость, с которой она бралась за новые, спорные темы, и не в последнюю очередь способность отложить все это в сторону ради приготовления отменного ужина давали мне стимул продолжать работу. Она знает, сколь многим я ей обязана. Пока я писала эту книгу, скончался мой отец, но я по-прежнему вспоминаю, как он подбадривал и поддерживал меня. Я посвящаю эту книгу моим сестрам Ли и Джейн в знак признательности, хотя и не соразмерной, за все то, что мы пережили вместе за долгие годы. Они преподали мне первые уроки о правах, разрешении конфликтов и любви.

Введение. «Мы исходим из самоочевидной истины»

Иногда поспешное переписывание приводит к появлению великих вещей. В первом варианте Декларации независимости, подготовленном в середине 1776 года, Томас Джефферсон писал: «Мы исходим из священной и неопровержимой истины, что все люди созданы равными и независимыми [sic] и что из равенства вытекают неотъемлемые и неотчуждаемые права, среди которых сохранение жизни и свободы и стремление к счастью». Во многом в результате собственных правок Джефферсона предложение вскоре избавилось от длиннот и лишних слов и приобрело ясный и стройный вид: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». С помощью одного этого предложения Джефферсон превратил типичный документ XVIII века о политических злоупотреблениях короны в неустаревающий манифест прав человека¹.

Джефферсон был в Париже тринадцать лет спустя, когда французы начали задумываться о том, чтобы заявить о сво-

¹ *Boyd J. P. (Ed.) The Papers of Thomas Jefferson, 31 vols. Princeton: Princeton University Press, 1950–. Vol. 1 (1760–1776). Особ. п. 423, но см. также п. 309–433.*

их правах. В январе 1789 года – за несколько месяцев до падения Бастилии – друг Джефферсона маркиз де Лафайет, ветеран войны за американскую независимость, подготовил проект французской декларации, скорее всего с помощью Джефферсона. Когда 14 июля Бастилия пала, ознаменовав начало Французской революции, необходимость в официальной декларации выросла как никогда. Несмотря на все старания Лафайета, никто не мог придать документу окончательный вид, как это сделал Джефферсон для американского Конгресса. 20 августа новое Национальное собрание начало обсуждение двадцати четырех статей, подготовленных огромным комитетом из сорока депутатов. Через шесть дней бурных дебатов и бесконечных поправок французские депутаты одобрили только семнадцать статей. Непрерывные разногласия порядком измучили депутатов, кроме того, их внимания требовали другие неотложные вопросы, поэтому 27 августа 1789 года члены собрания проголосовали за то, чтобы приостановить прения относительно проекта и временно принять уже одобренные статьи в качестве Декларации прав человека и гражданина.

Подготовленный впопыхах документ поражает своим охватом и простотой. Без единого упоминания короля, знати или церкви в нем провозглашены «естественные, неотчуждаемые и священные права человека» в качестве основы любого правления. Он объявил источником суверенной власти нацию, а не короля, и признал всех равными перед зако-

ном, предоставил доступ ко всем постам и должностям сообразно таланту и способностям, неявно исключив все привилегии по рождению. Однако больше, чем любое конкретное обещание, впечатлял универалистский характер сделанных заявлений. Отсылки к «людям», «человеку», «каждому», «всем», «всем гражданам», «каждому гражданину», «обществу» и «каждому обществу» затмили единственное упоминание французского народа.

В результате публикация декларации немедленно вызвала во всем мире широкий отклик как за, так и против. В проповеди, произнесенной в Лондоне 4 ноября 1789 года, Ричард Прайс, друг Бенджамина Франклина и частый критик английского правительства, восторженно высказался о новых правах человека: «Я дожил до тех времен, когда права человека понимают лучше, чем когда-либо, а нации жаждут свободы, о которой, казалось бы, утратили всякое представление». Возмущенный наивным энтузиазмом Прайса по поводу «метафизических абстракций» французов, известный эссеист и член парламента Эдмунд Бёрк быстро написал гневный ответ. Его памфлет «Размышления о революции во Франции» (1790) сразу же получил признание как основополагающий для консерваторов текст. «Мы не адепты Руссо, – метал грома и молнии Бёрк. – Мы знаем, что не совершили открытий, и полагаем, что вообще невозможно совершить открытий в области нравственности... Нас не поймали в силки, чтобы потом набить, как музейное чучело, которое

набивают соломой, тряпьем и прочим хламом наподобие бумаженок о правах человека». У Прайса и Бёрка не было разногласий относительно американской революции – они оба ее поддерживали. Но Французская революция сильно подняла ставки, и вскоре оформилась линия фронта: было ли это рассветом новой эры свободы, основанной на разуме, или началом неумолимого сползания к анархии и насилию?²

На протяжении почти двух столетий, несмотря на споры, вызванные Французской революцией, Декларация прав человека и гражданина воплощала собой обещание универсальных прав. В 1948 году Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека. Статья 1 гласила: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Уже в 1789 году статья 1 Декларации прав человека и гражданина провозглашала: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Языковые изменения были, безусловно, значимы, тем не менее нельзя не заметить очевидную переключку между двумя документами.

Происхождение документов не обязательно говорит нам что-то существенное о том, к каким последствиям они приводят. Имеет ли значение то, что черновой вариант Джефферсона претерпел восемьдесят шесть правок, внесенных

² *Thomas D. O. (Ed.) Political Writings / Richard Price. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 195. Цит. по: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992. P. 163.*

им самим, Комитетом пяти и Конгрессом? Джефферсон и Адамс явно так и думали, иначе они бы не спорили в 1820-е годы – в последнее десятилетие их долгой и насыщенной событиями жизни – о том, кто и что внес в этот документ. Однако Декларация независимости не имела конституционного статуса. Она просто провозглашала намерения, и прошло пятнадцать лет, прежде чем в 1791 году штаты наконец ратифицировали уже совсем другой Билль о правах. Французская декларация прав человека и гражданина защищала индивидуальные свободы, однако она не предотвратила появление французского правительства, ущемлявшего права (в период Террора), и создание конституций, – а их было немало, – которые формулировали новые декларации или вообще обходились без таковых.

Еще больше удручает тот факт, что те, кто в конце XVIII века так уверенно провозглашал универсальные права, как выяснилось, имели в виду нечто гораздо менее всеобъемлющее. Нас не удивляет, что они считали детей, сумасшедших, заключенных или иностранных граждан неспособными или недостойными полноценного участия в политическом процессе, поскольку мы сейчас придерживаемся того же мнения. Но они также исключали из правового поля неимущих, рабов, свободных чернокожих, религиозные меньшинства в некоторых случаях, а также всегда и везде женщин. В последние годы эти ограничения, касающиеся «всех людей», вызвали много комментариев, и некоторые ис-

следователи даже сомневаются, повлияли ли в какой-то степени все эти декларации на освобождение. Основателей, создателей и деклараторов обвиняют в элитизме, расизме и женоненавистничестве за их неспособность признать равные права всех людей.

Конечно, не стоит забывать о том, насколько ограничено понимались права в XVIII веке. Однако заикливаться на этом и гордиться нашей относительной «продвинутой» значит упускать самое главное. Каким образом люди, живущие в обществах, основанных на рабстве, подчинении и естественной, как тогда казалось, сервильности, смогли вообще представить себе совершенно не похожих на них мужчин, а в некоторых случаях и женщин, как равных? Как равноправие в подобных условиях стало «самоочевидной» истиной? Поразительно, что такие люди, как рабовладелец Джефферсон и аристократ Лафайет, вообще могли говорить о самоочевидных и неотъемлемых правах всех людей. Если бы мы поняли, как это произошло, мы лучше понимали бы, что права человека означают для нас сегодня.

Парадокс самоочевидности

Несмотря на различия в формулировках, обе декларации XVIII века основывались на заявлении о самоочевидности. Джефферсон ясно дал это понять, написав: «Мы считаем самоочевидными истины». Французская декларация категорически заявляет, что «невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств». В 1948 году в этом отношении мало что изменилось. Разве что декларация Организации Объединенных Наций берет более легалистский тон: «*Принимая во внимание*, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Тем не менее и здесь речь идет о самоочевидности, поскольку «принимая во внимание» буквально означает «[является фактом, что]». Другими словами, «принимая во внимание» – это просто легалистский способ утверждения о чем-то данном, о чем-то самоочевидном.

Такое заявление о самоочевидности даже сейчас имеет решающее значение для прав человека и приводит к парадоксальной ситуации: если равенство прав настолько самоочевидно, то почему о нем вообще нужно заявлять и почему заявлено о нем было только в определенное время и в опре-

деленных местах? Как права человека могут быть универсальными, если они не признаны повсеместно? Должны ли мы довольствоваться объяснением авторов декларации 1948 года, что «мы согласны относительно прав, но при условии, что никто не спросит нас почему»? Могут ли они быть «самоочевидными», если ученые уже более двухсот лет спорят о том, что этой фразой хотел сказать Джефферсон? Дебаты будут продолжаться вечно, поскольку Джефферсон не считал нужным объяснять свои слова. Никто из членов Комитета пяти или Конгресса не стал пересматривать это утверждение, даже несмотря на то что другие разделы его предварительной версии были значительно изменены. Судя по всему, они с ним согласились. Более того, если бы Джефферсон объяснился, самоочевидность заявления тут же улетучилась бы. Утверждение, требующее аргументов, не является самоочевидным³.

Я считаю, что утверждение о самоочевидности имеет решающее значение для истории прав человека, а эта книга призвана объяснить, почему в XVIII веке оно стало столь убедительным. К счастью, это утверждение дает нам точку опоры в довольно расплывчатой истории. В настоящее время

³ Жак Маритен, один из руководителей Комитета ЮНЕСКО по теоретическим основаниям прав человека, цит. в: *Glendon M. A. A World Made New: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. New York: Random House, 2001. P. 77. Об американской декларации см.: *Maier P. American Scripture: Making the Declaration of Independence*. New York: Alfred A. Knopf, 1997. P. 236–241.

права человека настолько распространены, что, похоже, требуют столь же обширного исторического исследования. Греческие представления о личности, римские понятия закона и права, христианские учения о душе... риск заключается в том, что история прав человека становится историей западной цивилизации, а иногда даже и историей всего мира. разве древний Вавилон, индуизм, буддизм и ислам не внесли в нее свой вклад? Иначе как тогда объяснить внезапную кристаллизацию требований прав человека в конце XVIII века?

Права человека требуют трех взаимосвязанных характеристик: они должны быть *естественными* (присущими человеческим существам), *равными* (одинаковыми для всех) и *универсальными* (применимыми повсеместно). Чтобы права были правами *человека*, все люди в мире должны обладать ими в равной степени, просто потому что они являются человеческими существами. Но как оказалось, легче принять то, что права являются естественными, чем их равенство или универсальность. Во многом мы все еще пытаемся разобраться с последствиями этого требования равенства и универсальности прав. В каком возрасте мы имеем право на полноценное участие в политической жизни? Имеют ли иммигранты – неграждане – общие с нами права и какие?

Однако даже естественности, равенства и универсальности недостаточно. Права человека имеют смысл только тогда, когда получают политическое содержание. Это не права человека в естественном состоянии – это права человека в об-

ществе. И это не просто права человека в противовес божественным правам или правам животным – это права людей по отношению друг к другу. Следовательно, они являются правами, которые гарантированы в светском политическом обществе (даже если их называют при этом «священными») и требуют активного участия тех, кто ими владеет.

Равенство, универсальность и естественность прав впервые нашли прямое политическое выражение в американской Декларации независимости 1776 года и во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года. При этом «древние права и вольности» из Билля о правах 1689 года, установленные английским законодательством и берущие начало в английской истории, не провозглашали равенство, универсальность или естественность прав. Декларация независимости, напротив, настаивала на том, что «все люди созданы равными» и что все они обладают «неотчуждаемыми правами». Точно так же и Декларация прав человека и гражданина провозглашала, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Не французы, не белые, не католики, а «люди» (men), что тогда, как и сейчас, означало не только представителей мужского пола, но и личностей, то есть представителей человеческого рода. Другими словами, где-то между 1689 и 1776 годами права, которые до этого обычно рассматривали как права определенного народа – например, свободнорожденных англичан, – превратились в права человека (human rights), универсальные есте-

ственные права, то есть то, что французы называли *les droits de l'homme*, или «rights of man» («права человека»)⁴.

⁴ О различиях между американской Декларацией независимости и английской Декларацией прав 1689 года см.: *Zuckert M. P. Natural Rights and the New Republicanism*. Princeton: Princeton University Press, 1994. Особ. п. 3–25.

Human rights и «the rights of man»⁵

Краткий экскурс в историю терминов поможет точно определить момент возникновения прав человека. Люди XVIII века не часто использовали выражение «права человека» (*human rights*), а если и прибегали к нему, то обычно имели в виду нечто иное, чем мы. До 1789 года Джефферсон, например, чаще всего говорил о «естественных правах» (*natural rights*). Он начал использовать термин «права

⁵ Перевод на русский язык этих двух словосочетаний в данном контексте представляет собой определенную переводческую проблему. Дело в том, что на русский язык и *human rights*, и *rights of man* переводятся одинаково – «права человека». В свою очередь, *rights of man* является калькой французского термина *droits de l'homme*, введенного Руссо в 1762 году. Именно он фигурирует в английском переводе названия французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года – *Declaration of the Rights of Man and Citizen (Déclaration des droits de l'homme et du citoyen)*. В английском языке, так же как и во французском, слово *man/l'homme* имеет два значения: «человек» и «мужчина». Как далее пишет Линн Хант, в XVIII веке под словом *man/l'homme* однозначно понимали «человека». Однако составители Всеобщей декларации прав человека решили избежать этой двусмысленности и ввели новый термин *human rights*. Этим изменением мы обязаны в том числе активисткам, выступавшим за включение женских прав в новую декларацию ООН. Так, например, в ходе работы над текстом была переформулирована статья 1: вместо фразы «*All men are born free and equal*» в конечный вариант вошло предложение «*All human beings are born free and equal*». Ср.: «Все люди рождаются свободными и равными». Во Всеобщей декларации прав человека впервые в истории было подчеркнуто, что права человека применимы ко всем людям без исключения. – *Примеч. пер.*

человека» (rights of man) только после 1789 года. Употребляя словосочетание human rights, он имел в виду нечто более пассивное и менее политическое, чем естественные права или права человека (rights of man). В 1806 году, например, он применил этот термин, описывая зло работорговли:

Я поздравляю вас, сограждане, с приближением периода, когда вы сможете конституционно установить свои полномочия для того, чтобы помешать гражданам Соединенных Штатов в дальнейшем участвовать в тех нарушениях прав человека, которые столь долго продолжаются в отношении невинных жителей Африки и которые мораль, репутация и интересы нашей страны давно стремятся запретить.

Заявляя, что африканцы наделены правами человека, Джефферсон не делал никаких выводов об афроамериканских рабах у себя на родине. Права человека (human rights), по определению Джефферсона, не позволяли африканцам – тем более афроамериканцам – действовать от своего имени⁶.

⁶ Джефферсон цит. по: *Lipscomb A. A., Bergh A. E. (Eds) The Writings of Thomas Jefferson, 20 vols. Washington, DC: Thomas Jefferson Memorial Association of the United States, 1903–1904. Vol. 3. P. 421.* Я смогла проследить использование Джефферсоном этих терминов на сайте библиотеки университета Вирджинии, где собраны его цитаты: <http://etext.lib.virginia.edu/jefferson/quotations>. Вопрос терминов, обозначающих права человека, можно изучать и дальше; по мере пополнения и уточнения баз данных такие исследования становятся менее трудоемкими. В английском языке словосочетание «human rights» используется с самого начала XVIII века, однако чаще всего оно появляется в связи с религией: «священные и человеческие права» или даже «священное священное право» в про-

В XVIII веке в английском и французском языках «права человека» (human rights), «права человеческого рода» (rights of mankind) и «права человечества» (rights of humanity) оказались слишком общими для прямых политических целей. Они обозначали то, что отличает людей от божественного, с одной стороны, и от животных, с другой, то есть не на такие политически значимые права, как свобода слова или право участвовать в политике. Возьмем, к примеру, одно из самых первых употреблений (1734) понятия «права человечества» на французском языке: едкий литературный критик и католический священник Николя Ленгле-Дюфренуа высмеивал «тех неподражаемых монахов VI века, которые настолько отреклись от любых „прав человечества“, что паслись подобно животным и бегали совершенно голыми». Подобным же образом в 1756 году Вольтер мог иронично заявлять, что Персия была монархией, в которой больше всего пользовались «правами человечества», поскольку у персов самые разнообразные «средства против скуки». Термин «право человека» (human right) впервые появился во французском языке в 1763 году и мог означать что-то вроде «естественного права». Однако он не получил широкого распространения, несмотря на то что Вольтер использовал его в широко из-

тивовес «священному человеческому праву». Последнее встречается в: *Tindal M. The Rights of the Christian Church Asserted, against the Romish, and All Other Priests who Claim an Independent Power over It.* London, 1706. P. LIV; первое, например, в: *A Compleat History of the Whole Proceedings of the Parliament of Great Britain against Dr. Henry Sacheverell.* London, 1710. P. 84, 87.

вестном «Трактате о терпимости»⁷.

На протяжении XVIII века говорящие по-английски продолжали отдавать предпочтение «естественным правам» или просто «правам», французы же в 1760-х годах изобрели новое выражение – «права человека» (*droits de l'homme*). «Естественное право(а)» или «естественный закон» (во французском языке у понятия *droit naturel* есть оба эти значения) имеют более длинную историю, насчитывающую сотни лет, в результате чего, вероятно, «естественное право(а)» получило слишком много возможных значений. Иногда это сло-

⁷ Легче всего эволюцию языка прав человека проследить на французском материале благодаря ARTFL, онлайн-базе данных из 2000 французских текстов XIII–XX веков. В ARTFL включены только тексты на французском, преимущественно художественная литература. Описание ресурса см. здесь: <http://humanities.uchicago.edu/orgs/ARTFL/artfl.flyer.html>. *Lenglet-Dufresnoy N. De l'usage des romans. Où l'on fait voir leur utilité et leurs différents caractères. Avec une bibliothèque des romans, accompagnée de remarques critiques sur leurs choix et leurs éditions.* Amsterdam: Vve de Poilras, 1734; Geneva: Slatkine Reprints, 1970. P. 245. *Voltaire. Essay sur l'histoire générale et sur les mœurs et l'esprit des nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours.* Geneva: Cramer, 1756. P. 292. С помощью «Voltaire électronique», компакт-диска с функцией поиска, содержащего собрание сочинений Вольтера, я выяснила, что он употребил *droit humain* семь раз (*droits humains* во множественном числе не использовано ни разу), из них четыре раза – в «Трактате о терпимости» и по одному разу в трех других произведениях. В ARTFL это словосочетание встречается один раз в: *Ramond L.-F. Lettres de W. Coxe à W. Melmoth.* Paris: Belin, 1781. P. 95; но в контексте этих писем оно означает «человеческий закон», который противопоставлен божественному закону. Функция поиска электронного собрания сочинений Вольтера практически не позволяет быстро определить, использовал ли Вольтер *droits de l'homme* или *droits de l'humanité* в своих работах (он выдает тысячи ссылок на слова *droits* и *homme*, например, в одном произведении, а не фразу целиком, как в ARTFL).

восочетание употребляли буквально в традиционном значении. Так, например, епископ Босуэ, сторонник абсолютной монархии Людовика XIV, при помощи словосочетания «естественное право» описывал вознесение Иисуса Христа на небо («он взошел на небеса по своему собственному естественному праву»)⁸.

«Права человека» (rights of man) получили распространение во французском языке после «Общественного договора» Жан-Жака Руссо в 1762 году, несмотря на то что Руссо не дал этому термину никакого определения и (а возможно, и потому что) использовал его вместе с «правами человечности», «правами гражданина» и «правами короны». Какова бы ни была причина, к июню 1763 года «права человека» стали обычным термином. Вот пример из одной анонимной хроники:

актеры «Комеди Франсез» сегодня впервые сыграли «Манко» [пьесу об инках в Перу], о которой мы говорили ранее. Это одна из самых плохо сочиненных трагедий. В ней есть роль дикаря, которая могла бы быть прекрасной; он декламирует стихи обо всем, что мы когда-то читали о королях, свободе, правах человека в «Рассуждении о происхождении неравенства», «Эмиле» и в «Общественном договоре».

И хотя в пьесе не используется фраза «права челове-

⁸ ARTFL дает в качестве ссылки следующее: *Bossuet J.-B. Méditations sur l'Évangile. 1704. Paris: Vrin, 1966. P. 484.*

ка» (rights of man) дословно, а звучит похожее словосочетание «права нашего бытия», нет сомнений в том, что она вошла в интеллектуальный обиход, и это напрямую связано с произведениями Руссо. Затем, в 1770-х и 1780-х годах, этот термин подхватили и другие писатели эпохи Просвещения, такие как барон Гольбах, Рейналь и Мерсье⁹.

⁹ Руссо мог позаимствовать термин «права человека» у Жан-Жака Бурламаки, использовавшего его в сочинении: *Principes du droit naturel par J. J. Burlamaqui, Conseiller d'Etat, & ci-devant Professeur en droit naturel & civil à Genève*. Geneva: Barrillot et fils, 1747. Part one, chap. VII, sect. 4 («Fondement général des Droits de l'homme»). В английском переводе Наджента (Лондон, 1748) появляются «права человека» (rights of man). Руссо рассматривает взгляды Бурламаки на *droit naturel* в своем трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*, 1755 // Gagnebin B., Raymond M. (Eds) *Oeuvres Complètes*, 5 vols. Paris: Gallimard, 1959–1995. Vol. 3 (1966). P. 124. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // *Об общественном договоре. Трактаты*. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. Отчет о «Манко» взят из: *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours*, 36 vols. London: J. Adamson, 1784–1789. Vol. 1. P. 230. «Секретные записки» охватывают период с 1762 по 1787 год. У этого сочинения не один автор (Луи Пети де Башомон умер в 1771 году), его составляли несколько человек; «записки» повествуют о литературных новинках, памфлетах, пьесах, музыкальных представлениях, художественных выставках и сенсационных судебных разбирательствах – см.: *Popkin J. D., Fort B.* *The Mémoires secrets and the Culture of Publicity in Eighteenth-Century France*. Oxford: Voltaire Foundation, 1998, и *Olivier L. A. Bachaumont the Chronicler: A Questionable Renown // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. Vol. 143. Voltaire Foundation: Banbury, Oxford, 1975. P. 161–79. Поскольку эти тома были изданы уже после освещенных в них событий, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что к 1763 году использование термина «права человека» было столь обычным делом, как заключает автор. В акте 1, сцене 2, Манко произносит

До 1789 года словосочетание «права человека» (rights of man) не имело широкого распространения в английском языке. Но Американская революция побудила видного представителя французского Просвещения маркиза де Кондорсе сделать первый шаг к определению «прав человека» (rights of man), которые для него означали неприкосновенность личности и собственности, беспристрастное и справедливое правосудие, а также право участвовать в составлении законов. В своем эссе 1786 года «О влиянии американской революции на Европу» Кондорсе напрямую связал права человека с американской революцией: «Зрелище великого народа, в котором уважают права человека (rights of man), полезно для всех остальных, несмотря на разницу в климате, обычаях и конституции». Декларация независимости Америки, по его словам, была не чем иным, как «простым и возвышенным изложением этих прав, которые одновременно столь священны и столь давно забыты». В январе 1789 года Эммануэль-Жозеф Сийес использовал это выражение в своем провокационном антидворянском памфлете «Что такое третье сословие?». Черновик декларации прав Лафайета, написанный в январе 1789 года, содержал прямое упоминание «прав человека» (rights of man), как и проект самого

такие слова: «Родившись, как и они, в лесу, но осознав себя / Потребовали мы и титул, и права бытия, / И с удивлением они от нас узнали, / Как долго титул этот и права ими осквернялись». *Le Blanc de Guillet A. Manco-Carac, Premier Ynca du Pérou, Tragédie, Représentée pour la première fois par les Comédiens François ordinaires du Roi, le 12 Juin 1763. Paris: Belin, 1782. P. 4.*

Кондорсе, подготовленный в начале 1789 года. С весны 1789 года, то есть еще до падения Бастилии 14 июля, разговоры о необходимости провозглашения «прав человека» пронизывали все политические круги Франции¹⁰.

¹⁰ «Права человека» («rights of man») появляются один раз в «Комментариях к английским законам» Уильяма Блэкстона — *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England*, 4 vols. Oxford, 1765–1769. Vol. 1 (1765). P. 121. Первый раз на английском, из обнаруженных мною, эта фраза встречается в сочинении Джона Персиваля, графа Эгмонта: *A Full and Fair Discussion of the Pretensions of the Dissenters, to the Repeal of the Sacramental Test*. London, 1733. P. 14. Она также появляется в «поэтическом послании» «The Dying Negro» и в старинном трактате лидера аболиционистов Гренвилла Шарпа: *A Declaration of the People's Natural Right to a Share in the Legislature...* London, 1774. P. XXV. Эти примеры я нашла с помощью онлайн-сервиса Томсона Гейла *Eighteenth-Century Collections Online* и благодарна Дженне Гиббс-Бойер за помощь с этим исследованием. Цитату из Кондорсе см. здесь: *Maire Louise Sophie de Grouchy, marquise de Condorcet (Ed.). Oeuvres complètes de Condorcet*, 21 vols. Brunswick: Vieweg; Paris: Henrichs, 1804. Vol. XI. P. 240–242, 251, 249. Сийес использовал термин *droits de l'homme* только один раз: «Il ne faut point juger de ses [Third Estate's] demandes par les observations isolées de quelques auteurs plus ou moins instruits des droits de l'homme» («О желаниях третьего сословия нельзя судить по словам единичных авторов, более или менее сведущих в вопросе о сущности прав человека»). *Sieyès E. Le Tiers-Etat 1789*. Paris: E. Champion, 1888. P. 36. Цит. по: Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / Сост., пер., вступ. ст. М. Б. Певзнера. СПб.: Алетейя, 2003. С. 165. В письме из Парижа от 12 января 1789 года Томас Джефферсон отправил Джеймсу Мэдисону проект декларации Лафайета. Второй абзац начинался со следующих слов: «Les droits de l'homme assurent sa propriété, sa liberté, son honneur, sa vie» («Права человека обеспечивают его собственность, свободу, честь и жизнь») – *Jefferson Papers*. Vol. 14. P. 438. Проект Кондорсе появился несколько раньше открытия заседаний Генеральных Штатов 5 мая 1789 года, см.: *McLean I., Hewitt F. Condorcet: Foundations of Social Choice and Political Theory*. Aldershot, Hants: Edward Elgar, 1994. P. 57, и см. проект декларации «прав», где выражение «права человека» используется, однако не вынесено в заголовок: *Ibid*. P. 255–

Когда во второй половине XVIII века появился язык прав человека, то поначалу у этих прав было мало четких определений. Руссо, используя термин «права человека», не дал никаких объяснений. Английский юрист Уильям Блэкстон определил их как «естественную свободу человечества», то есть «абсолютные права человека, рассматриваемого в качестве свободного действующего лица, наделенного способностью отличать добро от зла». Большинство из тех, кто использовал эту фразу в 1770-х и 1780-х годах во Франции, например такие одиозные представители Просвещения, как Гольбах и Мирабо, говорили о правах человека так, как если бы с ними было все понятно и они не нуждались в обосновании или определении. Другими словами, они были самоочевидны. Гольбах, например, утверждал, что, «если бы люди меньше боялись смерти», то «права человека защищались бы более мужественно». Мирабо осуждал своих преследователей, у которых «не было ни характера, ни души, потому что они совершенно не имели представления о правах людей» (*rights of men*). Но никто не предлагал точного списка этих прав до 1776 года (когда была одобрена созданная Джорджем Мейсоном Декларации прав Вирджинии)¹¹.

270. См. тексты различных проектов декларации в: *Antoine de Baecque (Ed.). L'An I des droits de l'homme*. Paris: Presses du CNRS, 1988.

¹¹ *Blackstone*. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. P. 121; *Holbach P. H. d'Système de la Nature*, 1770. London, 1771. P. 336. Цит. по: *Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного*. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 181. *Comte de Mirabeau H. Lettres écrites du donjon*, 1780. Paris, 1792.

Неопределенность прав человека хорошо уловил французский кальвинистский пастор Жан-Поль Рабо Сент-Этьен, который в 1787 году в письме французскому королю жаловался на ограничения, которые накладывал на протестантов, таких как он сам, будущий эдикт о веротерпимости. Ободренный растущими симпатиями к правам человека, Рабо утверждал, что «сегодня мы знаем, что такое естественные права, и они, безусловно, дают людям гораздо больше, чем в результате эдикта получают протестанты... Настало то время, когда больше не приемлемо, чтобы закон открыто попирает права человечества, очень хорошо известные во всем мире». Возможно, они и правда были «хорошо известны», но сам Рабо при этом признавал, что католический король не может официально предоставить кальвинистам право на публичное богослужение. Короче говоря, все зависело – как и сейчас – от того, как понимать то, что «больше неприемлемо»¹².

Как права стали самоочевидными

Правам человека потому так трудно дать точное объяснение, что их определение, да и само их существование, зависит от эмоций в той же степени, что и от разума. Утверждение о самоочевидности в конечном итоге основывается на эмоциональном призыве – он убедителен, если находит отклик в каждом человеке. Более того, мы абсолютно уверены в том, что речь идет о правах человека, когда ужасаемся их нарушению. Рабо Сент-Этьен знал, что может апеллировать к неявному знанию о том, что «больше неприемлемо». В 1755 году влиятельный французский писатель-просветитель Дени Дидро написал о *droit naturel*, что «использование этого термина настолько знакомо, что почти нет никого, кто внутри себя не убедился бы в том, что эта вещь ему явно известна. Это внутреннее чувство является общим как для философа, так и для человека, который вообще не размышлял о нем». Подобно другим своим современникам, Дидро дает смутное представление о значении естественных прав. «Как у человека, – заключает он, – у меня нет других естественных прав, которые были бы поистине неотчуждаемы, кроме прав человечества». Однако он указывает на самое важное качество прав человека – они требовали определенного широко разделяемого «внутреннего чувства»¹³.

¹³ Diderot D., d'Alembert J. (Eds) Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des

Даже такой суровый швейцарский философ естественно-го права, как Жан-Жак Бурламаки, настаивал на том, что свобода может быть доказана только внутренними чувствами каждого человека: «Такие доказательства чувства вне всяких возражений и порождают глубочайшее *убеждение*». Права человека – это не просто доктрина, сформулированная в документах; они основаны на расположении к другим людям, на совокупности убеждений о том, что представляют собой люди и как в светском обществе отличают хорошее от плохого. Философские идеи, правовые традиции и революционная политика должны иметь такого рода внутреннюю эмоциональную точку отсчета, чтобы права человека действительно были «самоочевидными». И, как утверждал Дидро, эти чувства должны испытывать многие люди, а не только философы, писавшие о них¹⁴.

sciences, arts, et des métiers, 17 vols. Paris, 1751–1780. Vol. 5 (1755). P. 115–116. В этот том включены две разные статьи о «droit naturel». Первая озаглавлена «Droit Naturel (Morale)» («Естественное право (Мораль)», р. 115–116, и начинается с редакторской звездочки, обозначающей авторство Дидро; вторая называется «Droit de la nature, ou Droit naturel» («Право природы, или Естественное право»), р. 131–134, и подписана «А» (Антуан-Гаспар Буше д'Аржи). Сведения об авторстве приведены в: *Lough J. The Contributors to the Encyclopédie // Schwab R. N., Rex W. E. Inventory of Diderot's Encyclopédie. Vol. 7: Inventory of the Plates, with a Study of the Contributors to the Encyclopédie by John Lough. Oxford: Voltaire Foundation, 1984. P. 483–564.* Во второй статье, написанной Буше д'Аржи, рассказывается об истории понятия, в общем и целом она основана на трактате Бурламаки 1747 года «Principes du droit naturel» («Принципы естественного права»).

¹⁴ *Burlamaqui J. J. Principes du droit naturel par J. J. Burlamaqui, Conseiller d'Etat,*

В основе этих представлений о свободе и правах лежал ряд допущений относительно индивидуальной автономии. Чтобы обладать правами человека, люди должны восприниматься как отдельные личности, способные выносить независимые моральные суждения. Как выразился Блэкстон, права человека идут рука об руку с индивидом, «считающимся свободным действующим лицом, наделенным способностью отличать добро от зла». Но для того, чтобы эти автономные индивиды стали членами политического сообщества, основанного на этих независимых моральных суждениях, они должны уметь сопереживать другим. Все люди обладали бы правами при условии, что всех можно было бы рассматривать как принципиально равных. Равенство было не просто абстрактным понятием или политическим лозунгом – его необходимо было каким-то образом усвоить.

Несмотря на то что для нас идеи автономии и равенства, наряду с правами человека, являются чем-то само собой разумеющимся, свое влияние они получили только в XVIII веке. Современный моральный философ Дж. Б. Шнеевинд исследовал то, что он называет «изобретением автономии». «Новое мировоззрение, появившееся к концу XVIII века, – утверждает он, – основывалось на вере в то, что все нормальные индивиды в одинаковой степени способны жить вместе в условиях нравственного самоуправления». За «нормальны-

ми индивидами», однако, скрывается долгая история борьбы. В XVIII веке (а на самом деле вплоть до настоящего времени) не все «люди» представлялись одинаково способными к моральной автономии. Для этого необходимы были два взаимосвязанных, но отличающихся друг от друга качества: способность рассуждать и способность принимать независимые решения. Оба эти качества должны присутствовать, чтобы человек был морально независимым. Дети и безумцы не обладали необходимой способностью рассуждать, но когда-нибудь могли бы обрести или восстановить эту способность. Подобным же образом дети, рабы, слуги, неимущие и женщины были лишены независимого статуса, чтобы считаться полностью автономными. Дети, слуги, неимущие и, возможно, даже рабы, вероятно, могли однажды стать автономными, повзрослев, оставив службу, купив собственность или свою свободу. Похоже, одни только женщины не обладали ни одной из этих возможностей; их считали изначально зависимыми либо от своих отцов, либо от мужей. Если сторонники всеобщих, равных и естественных прав человека автоматически отказывали некоторым категориям людей в реализации этих прав, то прежде всего потому, что они считали их не вполне способными к моральной автономии¹⁵.

¹⁵ *Schneewind J. B. The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 4.* Автономия – важный элемент, отсутствовавший в естественно-правовых теориях до середины XVIII века. Как утверждает Кнуд Хааконсен: «По мнению большинства теоретиков естественного права XVII и XVIII веков, моральный субъект подчинялся

Тем не менее свежесобретенная сила эмпатии могла быть направлена даже против давно укоренившихся предрассудков. В 1791 году французское революционное правительство предоставило равные права евреям; в 1792 году избирательные права получили даже люди без собственности; а в 1794 году французское правительство официально отменило рабство. Ни автономия, ни эмпатия не были чем-то постоянным; это навыки, которым можно было научиться, а «приемлемые» ограничения прав могли быть – и были – оспорены. Права нельзя определить раз и навсегда, поскольку их эмоциональная основа продолжает меняться, отчасти в ответ на декларирование прав. Права остаются под вопросом, потому что наше представление о том, кто их имеет и что это за права, постоянно меняется. Революция в области прав человека

естественному праву и выполнял обязанности, налагаемые таким правом в то время, как права были производными, то есть просто были способом исполнения обязанностей» – *Haakonssen K. Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 6.* В этом смысле Бурламаки, оказавший столь мощное влияние на американцев в 1760–1770-х годах, вполне может означать важный переход. По его мнению, люди подчинены высшей силе, но эта сила должна соответствовать внутренней природе человека: «Чтобы закон мог регулировать человеческие действия, он должен полностью соответствовать природе и конституции человека и в конечном итоге быть связан со счастьем, то есть с тем, что разум непременно заставляет его искать». *Burlamaqui J. J. Principes du droit naturel par J. J. Burlamaqui, Conseiller d'Etat, & ci-devant Professeur en droit naturel & civil à Genève. Geneva: Barrillot et fils, 1747. Part one, chap. VII, sect. 4 («Fondement général des Droits de l'homme»).* P. 89. О важности автономии для прав человека в целом см.: *Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. Особ. p. 12.*

по определению продолжается.

Автономия и эмпатия – это культурные практики, а не просто идеи, и поэтому они имеют буквальное воплощение, то есть обладают как физическими, так и эмоциональными измерениями. Индивидуальная автономия зависит от возрастающего чувства обособленности и священности человеческих тел: ваше тело принадлежит вам, а мое принадлежит мне, и мы оба должны уважать границы между нашими телами. Эмпатия основана на признании того, что другие чувствуют и думают так же, как и мы, что наши внутренние чувства в некотором фундаментальном смысле похожи. Чтобы быть автономным, человек должен быть законно обособлен и защищен в его или ее обособленности; но чтобы обладать правами наряду с этой телесной обособленностью, самость человека следует рассматривать с более эмоциональной точки зрения. Права человека зависят как от самообладания, так и от осознания того, что все остальные в равной степени владеют собой. Именно недостаточное развитие последнего порождает неравенство в правах, которое волновало нас на протяжении всей истории.

Автономия и эмпатия возникли в XVIII веке не на пустом месте – у них есть глубокие корни. На протяжении долгого периода, в течение нескольких столетий, индивиды постепенно выходили за рамки своих замкнутых мирков и становились все более независимыми как в юридическом, так и в психологическом смысле. Все большее уважение к физи-

ческой неприкосновенности и четким границам между отдельными телами стало результатом растущего чувства стыда, вызванного отпращиванием естественных надобностей, а также более пристального внимания к туалету и нарядам. Со временем люди стали спать отдельно либо только с супругом. Они стали использовать для еды столовые приборы и считали отталкивающим то, что раньше казалось приемлемым: например, бросать пищу на пол или вытирать телесные выделения об одежду. Постоянная эволюция представлений об интерьерности и глубине психики – от христианской души к протестантской совести и далее к представлениям XVIII века о чувствительности – наполнила «я» новым содержанием. Все эти процессы происходили в течение довольно длительного периода времени.

Однако во второй половине XVIII века в развитии этих практик произошел рывок. Абсолютная власть отцов над своими детьми была поставлена под сомнение. Зрители стали молча смотреть театральные представления или слушать музыку. Портретная и жанровая живопись бросили вызов господству великих мифологических и исторических полотен академической живописи. Широкое распространение получили романы и газеты, которые делали доступными для широкой аудитории истории из повседневной жизни. Попытки как часть судебного процесса и наиболее жестокие формы телесных наказаний стали считаться неприемлемыми. Все эти изменения способствовали возникновению чувства

обособленности и самообладания отдельных тел, а также возможности эмпатии по отношению к другим.

Понятия физической неприкосновенности и эмпатической самости, описанные в следующих главах, имеют историю, мало чем отличающуюся от понятия прав человека, с которым они связаны настолько тесно, что кажется, будто бы изменения во взглядах произошли одновременно в середине XVIII века. Возьмем, например, пытки. Между 1700 и 1750 годами слово «пытка» во французском языке чаще всего использовалось для обозначения трудностей, с которыми писатель сталкивался, когда искал удачное выражение. Так, Мариво в 1724 году говорил о «пытках своего ума, дабы побудить его к размышлениям». Пытки, то есть разрешенное законом воздействие на тело для получения признания вины или имен сообщников, взволновали общественность после того, как Монтескье подверг их критике в своей работе «О духе законов» (1748). В одном из своих самых известных отрывков Монтескье утверждает, что «против этого обычая [судебная пытка] выступало столько искусных писателей и великих гениев, что я не смею говорить после них». Затем он скорее загадочно добавляет: «Я хотел было сказать, что он может быть уместным в деспотических государствах, где все, что внушает страх, становится одной из пружин правления... Но я слышу голос природы, вопиющий против меня». Здесь также аргумент основывается на самоочевидности – «вопиющий голос природы». После Монтескье к кам-

пании присоединились Вольтер и многие другие, особенно стоит отметить итальянца Беккариа. К 1780-м годам отмена пыток и варварских форм телесных наказаний стала важнейшей темой в новой доктрине прав человека¹⁶.

Изменения в реакциях на тела и личности других людей оказали решающую поддержку новому светскому обоснованию политической власти. Джефферсон писал, что «Создатель» одарил людей правами, тем не менее роль Создателя на этом заканчивалась. Правительство больше не зависело от Бога и уж тем более от церковных интерпретаций Божьей воли. «Для обеспечения этих прав», по словам Джефферсона, «учреждены среди людей правительства», заимствующие свою власть «из согласия управляемых». Точно так же французская декларация 1789 года утверждала, что «цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» и «источником суверенной власти является нация». Политическая власть с этой точки зрения проистекает из сокровенной природы людей и их способности создавать сообщества, основанные на согласии. Политологи и историки исследовали концепцию политической власти с разных сторон, но почти не уделили внимания видению

¹⁶ Я проследила употребление слова «torture» в базе ARTFL. Фраза Мариво взята из: *Le Spectateur français (1724)* // Deloffre F., Gilet M. (Eds) *Journaux et oeuvres diverses*. Paris: Garnier, 1969. P. 114. Цит. по: *Монтескье III. Л. О духе законов*. М.: Мысль, 1999. С. 86; *Montesquieu. The Spirit of the Laws / Transl. and ed. Anne M. Cohler, Basia Carolyn Miller, and Harold Samuel Stone*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 92–93.

тела и личности, которое и сделало эту концепцию возможной¹⁷.

На мой взгляд, большое значение имели новые виды переживаний, от просмотра картин на публичных выставках до чтения чрезвычайно популярных эпистолярных романов о любви и браке. Такие переживания помогли распространить практики автономии и эмпатии. Политолог Бенедикт Андерсон утверждал, что газеты и романы создали «воображаемое сообщество», необходимое для процветания национального чувства. То, что можно было бы назвать «воображаемой эмпатией», служит основой прав человека, а не национализма. Она воображаемая не в том смысле, что она придумана, а в том смысле, что эмпатия требует прыжка веры, представления о том, что другой человек похож на вас. Описания пыток породили эту воображаемую эмпатию через новое видение боли. Романы формировали ее, вызывая новые ощущения относительно внутреннего «я». И те и другие по-своему укрепляли понятие сообщества, состоящего из автономных, сочувствующих индивидов, которые могли быть связаны – помимо своих семей, религиозной принадлежности или да-

¹⁷ Моя точка зрения, очевидно, отличается большим оптимизмом по сравнению с мнением Мишеля Фуко, который делает упор на психологические поверхности, а не на глубину, и связывает новые представления о теле с расцветом дисциплины, а не со свободой. См., например: *Foucault. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Transl. Alan Sheridan. New York: Vintage, 1979.* Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

же наций, – более универсальными ценностями¹⁸.

Не существует простого или очевидного способа доказать или хотя бы измерить влияние нового культурного опыта на людей XVIII века, не говоря уже об их представлениях о правах. Научные исследования современных реакций на чтение или просмотр телевизора оказались довольно сложными, хотя у них есть преимущество в виде живых субъектов, к которым можно применять постоянно меняющиеся исследовательские стратегии. Тем не менее нейробиологи и когнитивные психологи добились определенного успеха в том, чтобы увязать биологию мозга с психологическими и в конечном счете даже с социальными и культурными эффектами. Они показали, например, что способность строить повествования основана на строении мозга и имеет решающее значение для развития любого представления о самом себе. Определенные виды поражений мозга влияют на понимание повествований, а такие болезни, как аутизм, показывают, что способность к эмпатии – к признанию того, что другие обладают разумом, подобным вашему, – имеет биологическую основу. Однако по большей части эти исследования обращены только к одной стороне уравнения – биологической. Несмотря на то что большинство психиатров и даже некоторые нейробиологи согласились бы, что на мозг влияют и социальные,

¹⁸ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. Особ. р. 25–36. Цит. по: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 48–59.*

и культурные факторы, такое взаимодействие изучить сложнее. Действительно, личность как таковую довольно трудно исследовать. Мы знаем, что у нас есть опыт наличия «я», но нейробиологам не удастся определить место этого опыта, не говоря уже о том, чтобы объяснить, как все это работает¹⁹.

Если нейробиология, психиатрия и психология все еще не уверены относительно природы личности, то неудивительно, что историки вообще стараются держаться подальше от этого предмета. Большинство историков, вероятно, полагают, что личность до определенной степени формируется социальными и культурными факторами, то есть что самость в X веке означала нечто иное, чем то, что она означает для нас сегодня. Однако до сих пор мало что известно об истории индивидуальности как совокупности переживаний. Ученые много писали о появлении индивидуализма и автономии в качестве доктрин и гораздо меньше о том, как сама личность может измениться с течением времени. Я согласна с другими историками в том, что представление о личности меняется с течением времени, и считаю, что в XVIII веке для некоторых людей решающим образом меняется само восприятие, а не только идея, личности.

В пользу такого положения вещей, на мой взгляд, говорит то, что чтение описаний пыток или эпистолярных романов

¹⁹ *Brothers L. Friday's Footprint: How Society Shapes the Human Mind.* New York: Oxford University Press, 1997. *Voigeley K., Kurthen M., Falkai P., Maier W. Essential Functions of the Human Self Model Are Implemented in the Prefrontal Cortex // Consciousness and Cognition.* 1999. № 8. P. 343–63.

имело физические последствия, которые привели к нейро-биологическим изменениям и обернулись новыми концепциями относительно организации социальной и политической жизни. Новые виды чтения (а также просмотра и слушания) создали новый индивидуальный опыт (эмпатию), что, в свою очередь, сделало возможными новые социальные и политические концепции (права человека). На этих страницах я пытаюсь разобраться с тем, как протекал этот процесс. Поскольку история, дисциплина, которой я занимаюсь, давно пренебрегает любой формой психологической аргументации – мы, историки, часто говорим о психологическом редукционизме, но никогда не говорим о социологическом или культурном редукционизме, – то она во многом упускает из виду возможность аргумента, зависящего от описания того, что происходит внутри личности.

Я пытаюсь перенести акцент на то, что творится в сознании отдельных людей. Кому-то это место может показаться слишком очевидным для поиска объяснений радикальных социальных и политических изменений. Но именно сознанию отдельных людей – кроме разве что сознания великих мыслителей и писателей – неожиданным образом не уделяют внимания недавние работы в области гуманитарных и социальных наук. Они сосредоточены на социальных и культурных контекстах, а не на том, как сознание отдельных людей понимает и трансформирует этот контекст. Я считаю, что социальные и политические изменения – в данном слу-

чае представления о правах человека – происходят из-за того, что многие люди пережили похожий опыт, и не из-за того, что все они жили в одном и том же социальном контексте, а потому, что благодаря взаимодействию друг с другом, а также чтению и визуальному опыту, они создали новый социальный контекст. Короче говоря, я настаиваю на том, что любое объяснение исторических изменений должно в итоге учитывать изменение в сознании людей. Чтобы права человека стали самоочевидными, обычные люди должны были обрести новое понимание, которое основывалось на новых формах восприятия.

Глава 1. «Потоки чувств». Чтение романов и воображение равенства

За год до публикации «Общественного договора» Руссо привлек большое внимание читателей в разных странах своим романом «Юлия, или Новая Элоиза» (1761). Если современники считают, будто действие в эпистолярном романе, или романе в письмах, развивается мучительно долго, то читатели XVIII века воспринимали это как нечто естественное. Подзаголовок подогрел их интерес, поскольку средневековая история несчастной любви Элоизы и Абеяра была им хорошо знакома. В XII веке философ и католический богослов Пьер Абеяра соблазнил свою ученицу Элоизу, за что и поплатился: дядя девушки приказал оскопить его. Навеки разлученные любовники потом обменивались сокровенными посланиями, которые до сих пор пленяют сердца и умы читателей. На первый взгляд казалось, что созданное Руссо подражание указывало в совершенно другую сторону. Новая Элоиза, Юлия, тоже влюбляется в своего учителя, но бросает бедняка Сен-Пре в угоду требованиям своего деспотичного отца выйти замуж за Вольмара – пожилого, но знатного человека, когда-то спасшего ему жизнь. Она не только преодолевает свою страсть к Сен-Пре, но и, кажется, научается любить его как друга и вскоре погибает, бросившись в озеро,

чтобы спасти своего младшего сына от утопления. Хотел ли Руссо воспеть ее смирение перед авторитетом родителя и супруга или намеревался показать, какой трагедией обернулся для Юлии вынужденный отказ от собственных желаний?

Вряд ли можно объяснить многообразие чувств, нахлынувших на читателей Руссо, таким сюжетом, даже при всех его неясностях. Их тронуло, прежде всего, непосредственное отождествление самих себя с персонажами произведения, особенно с Юлией. Поскольку Руссо был к тому времени известен далеко за пределами Франции, новости о готовящемся издании его романа распространились с необычайной быстротой, отчасти потому что он вслух зачитывал его отрывки своим друзьям. И хотя Вольтер высмеял роман, назвав его «жалким вздором», Жан Лерон Д'Аламбер, работавший вместе с Дидро над созданием «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», написал Руссо, что «проглотил» книгу. Он предупреждал Руссо о цензуре, с которой тот непременно столкнется в «стране, где много говорят о чувствах и страсти, мало зная о них». Старейший научный журнал Европы *Journal des Savants*, отмечая наличие изъянов и длиннот, заключал: надо быть бессердечным, чтобы устоять перед «потоками чувств, которые разрывают душу и настолько властно и беспощадно выдавливают слезы»²⁰.

²⁰ Письмо Франсуа Мари Аруэ де Вольтера Мари де Виши де Шамрон, маркизе Дюдефан от 6 марта 1761 года. В: Leigh R. A. (Ed.) *Correspondance complete de Jean Jacques Rousseau*, 52 vols. Geneva: Institut et Musée Voltaire, 1965–1998. Vol. 8 (1969). P. 222. Письмо Жана Лерона Д'Аламбера Ж.-Ж. Руссо, Париж, от 10

Придворные, духовенство, военные и обыватели других сословий в своих письмах рассказывали Руссо о чувствах, подобных «всепоглощающему огню», «обрушившихся одна за другой лавинах эмоций и потрясений». Один человек признавался, что не просто оплакивал смерть Юлии, а «пронзительно кричал и выл, будто зверь» (ил. 1). Как отметил современный комментатор этих писем к Руссо, в XVIII веке люди не наслаждались романом в свое удовольствие, а скорее читали его «страстно, исступленно, с припадками и рыданиями». Английский перевод появился спустя два месяца после выхода французского оригинала, между 1761 и 1800 годами он выдержал десять переизданий. За это же время понадобилось сто пятнадцать переизданий французского текста, чтобы удовлетворить ненасытный аппетит франкоязычных читателей в разных странах²¹.

февраля 1761 года, – *Correspondance complete de Jean Jacques Rousseau*. Vol. 8. P. 76. Что касается отзывов читателей, цитируемых в этом и следующем абзаце, см.: *Mornet D. J.-J. Rousseau: La Nouvelle Héloïse*, 4 vols. Paris: Hachette, 1925. Vol. 1. P. 246–249.

²¹ Об английских переводах см.: *Rousseau J.-J. La Nouvelle Héloïse / Transl. Judith H. McDowell*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1968. P. 2. О французских изданиях см.: *McEachern J.-A. E. Bibliography of the Writings of Jean Jacques Rousseau to 1800*. Vol. 1: *Julie, ou la Nouvelle Héloïse*. Oxford: Voltaire Foundation, Taylor Institution, 1993. P. 769–775.

Ил. 1. Юлия на смертном одре. Никакая другая сцена в «Юлии, или Новой Элоизе» не вызвала у читателей столько переживаний. Гравюра Никола Делоне по рисунку известного художника Жана-Мишеля Моро появилась в собрании сочинений Руссо 1782 года

«Юлия...» открыла своим читателям новую форму эмпатии. Несмотря на то что именно Руссо запустил в оборот термин «права человека» (rights of man), права человека (human rights) в их сегодняшнем понимании вряд ли можно назвать главной темой его романа, который вращается вокруг страсти, любви и добродетели. Тем не менее «Юлия...» содействовала весьма сильному отождествлению с персонажами и таким образом дала читателям возможность сопереживать им, невзирая на классовые, половые или национальные различия. Читатели XVIII века, как и их предшественники, проникались чувствами ближних и во многом себе подобных – семьи, родственников и прихожан, принадлежащих к той же общине, – короче говоря, людей равного им социального положения. Однако читатели XVIII века должны были научиться расширять границы сопереживания. Алексис де Токвиль упоминает историю, рассказанную секретарем Вольтера о мадам Дюшатле, которая без лишних стеснений разделась перед слугами, «поскольку не считала вполне доказанным, что те являются людьми». Права человека могли иметь смысл только в том случае, когда лакеев тоже считали за лю-

дей²².

²² *Tocqueville A. de (ed. J. P. Mayer). L' Ancien Régime*, 1856. Paris: Gallimard, 1964. P. 286. Эту ссылку мне любезно предоставил Оливье Занз. Цит. по: *Токвиль А. Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя, 2008. С. 162.

Романы и эмпатия

Такие романы, как «Юлия», заставляли читателей идентифицировать себя с обычными персонажами, с которыми они по определению не были знакомы лично. Сама форма изложения вынуждала читателей сопереживать персонажам, особенно главным героям и героиням. Другими словами, через вымышленный обмен письмами эпистолярные романы учили своих читателей не чему иному, как новой психологии, и в результате заложили фундамент для нового общественного и политического порядка. Благодаря романам принадлежавшая к среднему классу Юлия и даже служанка Памела, героиня одноименного произведения Сэмюэла Ричардсона, сделались равными и даже превзошли богачей, вроде господина Б., хозяина Памелы и ее будущего соблазнителя. Романы давали понять, что люди по большому счету равны между собой в силу испытываемых ими чувств. Многие произведения уделяли особое внимание желанию автономии. Таким образом, чтение романов порождало чувство равенства и эмпатии с помощью страстного погружения в повествование. Можно ли считать совпадением тот факт, что три величайших романа XVIII века, спровоцировавших психологическое отождествление, – «Памела» (1740) и «Кларисса» (1747–1748) Ричардсона, а также «Юлия» (1761) Руссо – вышли в свет непосредственно перед появлением поня-

тия «права человека» (rights of man)?

Разумеется, эмпатию изобрели не в XVIII веке. Способность сопереживать присуща всем и каждому – за нее отвечают отдельные участки мозга. Она зависит от природного умения постигать чужую субъективность и понимать, что внутренние переживания других людей подобны нашим собственным. Например, страдающие аутизмом дети плохо распознают корреляцию между тем или иным выражением лица и эмоциями и в целом не воспринимают субъективные состояния окружающих. Словом, аутизм характеризуется неспособностью сопереживать другим людям²³.

Обычно человек учится сопереживанию с ранних лет. Несмотря на естественную врожденную предрасположенность, в каждой культуре эмпатия обретает свои особые формы выражения. Эмпатия развивается исключительно посредством социального взаимодействия, поэтому способы этого взаимодействия в значительной степени и формируют эмпатию. В XVIII веке читатели романов научились расширять область своей эмпатии. В процессе чтения их сопереживание уже не ограничивалось традиционными социальными рамками, разделявшими знать и простолюдинов, господ и слуг, мужчин и женщин и, вероятно, даже взрослых и детей. Как следствие, они увидели других – тех, с кем они

²³ Decety J., Jackson P. L. The Functional Architecture of Human Empathy // Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews. 2004. № 3. P. 71–100. См. особ. p. 91.

не были лично знакомы, – как себе подобных, как людей с теми же самыми эмоциями. Без этого процесса узнавания «равенство» не имело бы большого смысла и, что особенно важно, никаких политических последствий. Равенство душ на небесах не то же самое, что и равные права на земле. До XVIII века христиане с готовностью принимали первый постулат, не предполагая возможность второго.

Способность к отождествлению вне социальных рамок могла быть приобретена различными способами, и я вовсе не приписываю исключительную заслугу в этом чтению романов. Однако именно чтение романов оказалось как нельзя кстати, отчасти потому что расцвет особой разновидности романа – эпистолярной – совпадает хронологически с рождением прав человека. Небывалый всплеск интереса к роману в письмах как к жанру пришелся на 1760–1780-е годы, а уже в 1790-х годах он довольно загадочным образом сошел на нет. Разного рода романы издавались и раньше, тем не менее в отдельный жанр они впервые выделились в XVIII веке, особенно после 1740 года, когда была опубликована «Памела» Ричардсона. Во Франции в 1701 году появилось восемь новых романов, в 1750-м – пятьдесят два, а в 1789-м – уже сто двенадцать. В Британии с первого десятилетия XVIII века до 1760-х годов число романов выросло в шесть раз; около тридцати новых произведений появлялось каждый год в 1770-х годах, сорока – в 1780-х годах и порядка семидесяти романов в год – в 1790-х годах. Вдобавок доступ к чте-

нию появился у гораздо большего числа людей, а главными героями романов стали обычные люди с их повседневными проблемами, касающимися любовных отношений, брака и движения вверх по социальной лестнице. Грамотность выросла настолько, что романы читали даже слуги в больших городах, как мужчины, так и женщины, хотя ни тогда, ни сейчас чтение романов не было свойственно низшим классам. Французские крестьяне, составлявшие тогда восемьдесят процентов населения страны, обычно романов не читали, если вообще умели читать²⁴

²⁴ О развитии французского романа в целом см.: *Rustin J. Le Vice à la mode: Etude sur le roman français du XVIIIe siècle de Manon Lescaut à l'apparition de La Nouvelle Héloïse (1731–1761)*. Paris: Ophrys, 1979. P. 20. Данные о публикациях новых французских романов взяты из: *Martin A., Mylne V. G., Frautschi R. Bibliographie du genre romanesque française, 1751–1800*. London: Mansell, 1977. Об английском романе см.: *Raven J. British Fiction 1750–1770*. Newark, DE: University of Delaware Press, 1987. P. 8–9, и *Raven J. Historical Introduction: The Novel Comes of Age // Garside P., Raven J., Schöwerling R. (Eds) The English Novel, 1770–1829: A Bibliographical Survey of Prose Fiction Published in the British Isles*. London; New York: Oxford University Press, 2000. P. 15–121. Особ. p. 26–32. По данным Рейвена, процент эпистолярных романов уменьшился с 44 от всех романов в 1770-х годах до 18 в 1790-х годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.